

Сообщения

© 2007 г. А.А. ГОРСКИЙ*

О ДРЕВНЕРУССКИХ "ЗЕМЛЯХ"

С давних пор историки для обозначения крупных территориальных единиц Руси "удельной эпохи" употребляют термин, нередко встречающийся в древнерусских источниках, - "земли"¹. Уже полтора столетия минуло с того времени, как исследователи начали спор, соответствуют ли "земли" территориям догосударственных общностей - так называемых племен Повести временных лет². Казалось бы, в этой дискуссии можно было поставить точку после выхода в свет работы А.Н. Насонова³. Проведенное им тщательное историко-географическое изучение русских княжеств (земель-"полугосударств", по терминологии автора) сделало ясным, что их границы в XII-XIII вв. не совпадали с пределами догосударственных образований⁴. При этом, помимо мелких расхождений, имеются факты очевидных несовпадений (отмечаемые в историографии еще с прошлого века): так, в Киевскую землю вошли бывшие территории двух так называемых племен - полян и древлян, а в Черниговскую - трех (северян, вятичей и радимичей); территория кривичей оказалась поделенной между Полоцкой и Смоленской землями. Тем не менее тезис о соответствии "земель" и "племенных" союзов не исчез из исторической литературы⁵.

Новый шаг в изучении вопроса о "землях" был предпринят В.В. Седовым, попытавшимся "наложить" земли XII в. на составленную им археологическую карту восточного славянства. При этом исследователь исходил из тезиса, что "земли" не тождественны княжествам: "... Эти термины несут различную нагрузку, и их нельзя не разграничивать. Земли - это историко-территориальные образования, в тесном смысле земли... Подобными единицами Древней Руси были Новгородская, Ростово-Суздальская, Киевская, Черниговская, Полоцкая, Смоленская, Галицкая и Муромо-Рязанская земли" (в другом месте автор пишет о Муромской и Рязанской землях как отдельных и добавляет к списку Псковскую землю). В.В. Седов пришел к выводу, что "земли" восходили к догосударственным "этнографическим группам" восточного славянства: Новгородская земля соответствовала территории словен, Псковская - псковских кривичей, Ростово-Суздальская - мери (автор считает, что этот финский этноним в IX-X вв. был перенесен на расселившуюся в Волго-Клязьминском междуречье славянскую группировку), Киевская (в широком смысле, с Волынью и Турово-Пинским княжеством) - дулебов (В.В. Седов полагает, что поляне, древляне, дреговичи и волыняне были потомками дулебов), Черниговская - руси (по мнению автора, так именовалась общность, из которой вышли северяне, вятичи и радимичи), Полоцкая и Смоленская - кривичей, Галицкая - хорватов, Муромская - муромы (как и в случае с мерей, этот этноним В.В. Седов считает перенесенным к IX-X вв. на восточнославянскую группировку), Рязанская - особой группы славян, являвшихся потомками носителей боршевских древностей в верхнем Подонье⁶.

В работе В.В. Седова (как и во всех предшествующих, в той или иной степени затрагивающих проблему древнерусских "земель") остался без ответа вопрос: что включало в себя понятие "земля" в раннее средневековье, как воспринимали его современники? Без ответа на него любые суждения о "землях" повисают в воздухе. В данной работе ставится задача рассмотреть упоминания этого термина по отношению к составным частям Руси в источниках середины XII-XIII в. (частично привлекаются и данные XIV в.).

Прежде всего следует отметить, что до 1132 г. (условная дата начала периода политической раздробленности на Руси) землями именовались, во-первых, суверенные государства ("Русская земля", "Греческая земля" - Византия, "Угорская земля" - Венгрия, "Лядская земля" - Польша и т.д., в переводных памятниках - земли Египетская, Ромейская, Перская и др.), во-вторых, догосударственные общности восточных славян до их перехода под власть киевских князей

* Горский Антон Анатольевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

("Деревская земля", "Польская земля" - территория полян). Составные части Древнерусского государства, управлявшиеся князьями Рюриковичами под верховной властью киевского князя, в XI - начале XII в. назывались не "землями", а "волостями"⁷.

Рассмотрим теперь упоминания "земель" XII-XIII вв. (они располагаются, исходя из времени первого появления термина в источниках).

Полоцкая земля. Под 6636 (1128) годом в летописании Северо-Восточной Руси "Полоцкой землей" названы владения Рогволода, полоцкого князя X в., независимого от Киева: "Рогволоду держащо и влад'бюощо и княжащо Полотьскою землею"⁸. Нет оснований сомневаться, что здесь использован термин, который прилагался к Полоцкому региону в современную летописцу эпоху.

Новгородская земля. Новгородская I летопись старшего извода под 6645 (1137) годом отмечает: "Святъславъ Олговиць съвѣкупи всю землю Новгородскую... идоша на Пльсковъ про-гонити Всеволода"⁹. Речь идет о сборе войск с новгородской территории. Позднее, вплоть до конца XIII в., в новгородском летописании этот термин не встречается, предпочтение отдается понятию "область" или "волость" Новгородская¹⁰. В южнорусском летописании под 6686 годом приводятся слова князя Мстислава Ростиславича перед походом на Чудь: "Братие, се обидятъ ны погании, а быхомъ узревше на Богъ и на святой Богородици помочь, поместили себе, и свободилин быхомъ Новгородскую землю от поганыхъ". Говоря под тем же годом о смерти Мстислава, летописец подчеркивает, что "плакашеса по немъ вся земля Новгородская" (т.е. все население Новгородской земли)".

Черниговская земля. Первое упоминание содержится в южнорусском летописании под 6650 (1142) годом: "Изяслав (князь переяславский. - А.Г.) еха ис Переяслава в борзе в землю Черниговскую"¹². Под 6766 годом в Галицко-Волынской летописи говорится, что литовский воевода Хвал "велико убитоگو творяше земле Черниговской"¹³.

Суздальская земля. Впервые термин встречается в южнорусском летописании под 6656 (1148) годом: сын Юрия Долгорукого Ростислав "роскоторавься съ отцемъ своимъ, оже ему отецъ волости не да в Суждалиской земли"¹⁴. Под 1162 годом там же сказано, что Андрей Боголюбский изгнал своих родственников, "хотя самовластець быти вс-би Суждальской земли"¹⁵.

Под 1169 годом к тому же региону в рассказе об изгнании Андреем епископа Федора прилагается термин **Ростовская земля**¹⁶. Позднее в летописных и иных памятниках разных регионов Руси также встречаются (и довольно часто) оба термина. "Суздальской" земля называется: как объект военных действий - 7 раз¹⁷; в связи с "радостью" или "печалью" ее населения - 5¹⁸, как территория, находящаяся под верховной властью князя (Ярослава Ярославича), - 4¹⁹; как место приезда церковного иерарха - 3²⁰; как регион, куда был направлен с малолетним князем тысяцкий, - 1²¹; как объект княжения (Всеволода Большое Гнездо) - 1²²; как объект монгольской переписи 1257 г. - 1 раз²³. "Ростовской" земля именуется главным образом тогда, когда речь идет о церковных делах (что естественно, так как именно Ростов оставался епархиальным центром Северо-Востока Руси)²⁴; причем в одном известии о поставлении епископа земля названа "Ростовской и Суздальской и Володимирской"²⁵. Иных случаев три. В 1174 г., во время междоусобной войны между братьями и племянниками убитого Андрея Боголюбского, на Михалка Юрьевича, "затворившегося" во Владимире (городе, который Андрей сделал столицей княжества вместо Суздаля), его противники "приехаша же со всею силою Ростовская земля"²⁶. В этой ситуации "Ростовской землей" названа (во владимирском летописании) часть княжества (без ее столицы), которая находилась под контролем племянников Андрея - Мстислава и Ярополка Ростиславичей (чьими главными сторонниками были ростовские бояре). После изгнания Михалка старший из Ростиславичей, Мстислав, сел в Ростове, а младший, Ярополк, - во Владимире. В результате летописец (владимирский) счел возможным записать, что "седашема Ростиславичема в княженьи земля Ростовская"²⁷ - т.е. изменение роли Ростова, ставшего ненадолго "старшим" столом, повлекло за собой именование по нему земли. В третий раз земля названа "Ростовской" в рассказе об антимонольском восстании в Северо-Восточной Руси 1262 г., причем города, из которых изгнали сборщиков дани, перечислены в таком порядке: Ростов, Владимир, Суздаль, Ярославль²⁸. Данное известие принадлежит ростовскому летописцу, очевидно, поэтому и земля поименована по Ростову.

Галицкая земля. Упоминается в южнорусском летописании под 6660 (1152) годом: войска киевского князя Изяслава и венгерского короля Гезы "вшедше в землю Галицкую"²⁹. Под тем же годом приводятся слова Гезы, что в случае, если галицкий князь преступит крестоцелование,

то "любо азъ буду в Угорьской земли, любо онъ в Галичкои", "любо голову сложю, любо налезу Галичьскую землю"³⁰. Позже термин встречается под 1153 годом ("плачь великъ по всей земли Галичстей")³¹, 1187 (князь Ярослав "созва мужи своя и всю Галичькую землю"³²) и заявил, что "азъ одиноу худою своею головоу ходя, удержал всю Галичькую землю"³²) и 1188 годом (Владимир Ярославич "княжащу (...) в Галичкои земли"³³). В Галицко-Волынской летописи XIII в. "земля Галицкая" упоминается 7 раз: 6 - как объект военных действий³⁴ и однажды как обозначение населения земли³⁵.

Волынская (Вельнская) земля. В Южнорусском летописании под 6682 (1174) годом сообщается: "По сем же приде Ярославъ Лучьскый на Ростиславичъ же со всею Вельньско (вар.: Волынской) землею"³⁶. Речь идет о войсках Волынской земли. Неясно, названы ли так силы только Луцкого княжества Ярослава Изяславича или термин "вся Волынская земля" употреблен потому, что в походе Ярослава участвовали и войска из Владимиро-Волынского княжества, где правил его племянник Роман Мстиславич. Позже, в Галицко-Волынской летописи XIII в., по отношению к Вольни употребляется термин "Владимирская земля", т.е. земля обозначается по стольному городу. Под 6713 годом говорится, что "беда бо бе в земле Володимерьсти от воеванья литовьского и ятвяжьскаго"; из контекста видно, что "Владимирская земля" включает в себя г. Червень (где тогда княжил младший брат владимири-волынского князя)³⁷. Под 6791 годом сказано, что татары "учиниша пусту землю Володимерьскую"³⁸. Название "Волынская земля" вновь встречаем только в источниках XIV в., причем северно-русских. Митрополит Петр (ум. 1326 г.), согласно его Житию, исходил "Волыньскую землю, и Киевьскую, и Создальскую землю, уча везде вся"³⁹. В Новгородской I летописи говорится о приезде в Новгород послов от митрополита Феогноста "из Вельньской земли" и последующем поставлении новгородского архиепископа "въ Вельньской земли" (1331 г.)⁴⁰. Под 6857 (1349) годом в той же летописи сообщается, что поляки "взяша лествю землю Вольньскую"⁴¹. Во второй редакции Жития митрополита Петра, созданной митрополитом Киприаном (конец XIV в.), упоминается "земля Вельнская", родина героя произведения, и "князь Вельнская земли"⁴². Включает ли понятие "Волынская земля" в XIV в. только Владимиро-Волыньское княжество или также и Галицкое, находившееся с конца 30-х гг. XIII в. под властью той же княжеской ветви - волыньских Романовичей (что дало историкам основания говорить о "Галицко-Волынской Руси" как едином целом)? Из известий Новгородской I летописи это не вполне ясно, но Житие митрополита Петра убеждает в верности второго варианта. "Князь Волынской земли" (бывший инициатором выдвигения Петра в митрополиты) - это Юрий Львович, владевший одновременно и Волынью, и Галичиной. Соответственно, автор первой редакции Жития, говоря об учительской деятельности Петра, под "Волынской землей" имеет в виду объединенное Галицко-Волыньское княжество, а не только "волыньскую половину" владений Юрия⁴³. Следовательно, происшедшее в середине XIII в. объединение "Володимерской" и "Галицкой" "земель" под властью одной княжеской ветви дало основания рассматривать их совокупность как одну "землю"⁴⁴.

Смоленская земля. Под 6698 (1190) годом в южнорусском летописании упоминается, что у киевского князя Святослава Всеволодича "бьашеть... тяжа с Рюрикомъ и съ Давыдомъ (смоленским князем. - А.Г.) и Смоленьскоу землею"⁴⁵.

Белзская и Червенская земля. В Галицко-Волынской летописи под 6733 годом рассказывается, что владимири-волынский князь Даниил Романович "воевавшю с ляхи землю Галичькую и около Любачева, и пл-Ъни всю землю Бельзеськую и Червеньскую"⁴⁶. Столы в Белзе и Червене занимал тогда двоюродный брат Даниила Александр Всеволодич, независимый от владимирского князя. Таким образом, данная территория названа "землей" тогда, когда она являла собой самостоятельное княжество.

Перемышльская земля. В Галицко-Волынской летописи под 6734 годом говорится, что галицкие бояре, боясь расправы со стороны своего князя Мстислава Мстиславича, "отидоша в землю Перемышльскую, в горы Кавокасьския, рекше во Угорьскыя"⁴⁷. Перемышль не был тогда центром отдельного княжества, и термин "земля" в данном случае не несет территориально-политического оттенка: речь идет просто о территории близ Перемышля.

Рязанская земля. Впервые названа так в разных летописях при описании нашествия на нее Бытъя ("придоша иноплемьници, глаголемии татарове, на землю Рязаньскую"⁴⁸; "бысть первое приходъ ихъ на землю Рязаньскую"⁴⁹, "и почаша воевати Рязаньскую землю"⁵⁰); вторично - в летописании Северо-Восточной Руси как объект монгольской переписи 1257 г. ("исщетоша всю землю Суждальскую и Рязаньскую и Мюромьскую"⁵¹).

Пинская земля. Под 6756 годом в Галицко-Волынской летописи сказано, что литовский военачальник Скомонд "повоева землю Пиньскую"⁵².

Муромская земля. Названа в летописании Северо-Восточной Руси в числе объектов монгольской переписи 1257 г.⁵³

Приведенные сведения позволяют сделать следующие выводы. Во-первых, употребление термина "земля" по отношению к составным частям Руси прослеживается со второй четверти XII в. Это хорошо коррелирует с тем фактом, что в XI - начале XII в. на Руси "землей" считалось только одно отечественное политическое образование - "Русская земля", т.е. Древнерусское государство в целом. Появление нескольких "земель", таким образом, хронологически совпадает с обретением отдельными русскими княжествами фактической самостоятельности по отношению к Киеву. Во-вторых, термин "земля" не фиксируется в XII-XIII вв. для трех политических образований, традиционно обозначаемых с его помощью в историографии, - тех, столицами которых были Киев, Переяславль и Псков. Если в отношении Пскова можно было бы допустить, что такие данные до нас просто не дошли (так как собственно псковские источники известны только со второй половины XIII в.), то для Киева и Переяславля, которые вместе с тянущими к ним территориями находятся в центре внимания южнорусского летописания XII в., такое объяснение невозможно. Очевидно, причина - в существовании в XII-XIII вв. понятия "Русская земля" в узком смысле: под ней часто понимали территорию Киевского княжества с Переяславским и значительной частью Черниговского (а в некоторых случаях - только территорию, непосредственно подчиненную киевским князьям)⁵⁴. Возможно, Киевское и Переяславское княжества не именовались отдельно "Киевской землей" и "Переяславской землей", так как целиком входили в состав "Русской земли" (в то время как Черниговская земля - только частично)⁵⁵. Относительно же Пскова нет ясности, был ли (и если да, то в какой степени) этот центр в XII-XIII вв. независим от Новгорода⁵⁶.

Вернемся к вопросу, обозначенному в начале статьи, - совпадали ли "земли" XII-XIII вв. с тем, что принято в науке именовать "княжествами", т.е. с политическими образованиями. С ним связан другой вопрос - восходили ли "земли" к этнополитической структуре восточных славян догосударственной эпохи. Причем если на первый вопрос следует положительный ответ, то второй снимается, так как границы княжеств XII-XIII вв. догосударственному этнополитическому делению не соответствовали (и к тому же часто менялись в течение этого периода).

Приведенный материал позволяет сделать вывод о тождестве "земель" и самостоятельных княжеств. Если бы "земли" были древними этногеографическими образованиями, они бы так именовались и в XI - начале XII в. Между тем для этого периода не только нет упоминаний термина "земля" с определением по одному из русских городов (о единственном исключении см. примеч. 7), но даже по отношению к термину "волость", которым в эту эпоху именовались составные части государства Русь, не употреблялись притяжательные прилагательные, образованные от названий их центров⁵⁷. Появление в источниках упоминаний об отдельных русских "землях" совпадает по времени с началом "раздробленности". Термин "земля" фиксируется в XII-XIII вв. (за исключением упоминания "Перемышльской земли" 1226 г.) только для фактически самостоятельных политических образований (в том числе княжества Белзского и Червенского, которое лишь временно являлось таковым). В ряде случаев "земли" фигурируют как объекты княжений конкретных князей (Андрея Боголюбского, Мстислава и Яро-полка Ростиславичей, галицких Ярослава Владимировича и Владимира Ярославича, Всеволода Большое Гнездо, Ярослава Ярославича). Изменение статуса столов внутри "земли" могло повлиять на ее именование ("Ростовская земля" как объект княжения Ростиславичей - в силу перехода к Ростову "старшинства"). Даже в случае, когда имелось древнее название территории, "земля" могла определяться (в местных источниках) по стольному городу ("Владимирская земля", а не "Волынь"). При объединении двух земель под властью одной княжеской династии они начинали рассматриваться как одна земля (Галицко-Волыньское княжество как "Волыньская земля"). Очевидно, термин, обозначавший суверенные государства, был перенесен на русские княжества по мере того, как современники стали их воспринимать в качестве фактически независимых.

Соответственно, нет оснований говорить о непосредственной территориальной преемственности "земель" XII-XIII вв. по отношению к догосударственным этнополитическим общно-стям. "Земли" формировались на основе территорий "волостей" - составных частей единого Древнерусского государства конца X - начала XII в. - по мере закрепления последних за той или иной ветвью княжеского рода Рюриковичей. Волости, в свою очередь, формировались в X в. (в основном в конце столетия, при Владимире Святославиче) на основе территорий бывших догосударственных общностей после их перехода под власть Киева. Но в течение XI - начала XII в. состав и пределы волостей менялись под воздействием княжеских усобиц,

разделов территорий, которые осуществлялись без учета прежних, догосударственных этнопо-литических границ⁵⁸. Поэтому конфигурации "земель" - крупных самостоятельных княжеств XII в. - уже мало походят на очертания территорий союзов племенных княжеств IX-X вв.⁵⁹ Роль наследия догосударственного этнополитического деления в истории XI-XIII вв. - вопрос, требующий дальнейшей разработки (например, заслуживает внимания проблема соотношения "племенного" самосознания и регионального самосознания "удельной эпохи"); но "земли" XII-XIII вв. не имеют к нему отношения - этим термином именовались сложившиеся в XII столетии самостоятельные княжества.

Примечания

¹ См.: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 2. М., 1988. С. 24-25; К л ю ч е в с к и и В.О. Сочинения. Т. I. М., 1987. С. 199-201; Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. СПб.; Киев, 1907. С. 11-15, 21; Д ь я к о н о в М.А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. М.; Л., 1926. С. 55-57; Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. М., 1938. Т. 1. С. 62, 155. В средневековой Руси слово "земля" имело много значений (См.: Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.). Т. 3. М., 1990. С. 371-376). В данной работе речь идет только о случаях употребления этого термина в сопровождении эпитета, указывающего на определенную территорию.

² В пользу территориального соответствия "племен" и "земель" удельной эпохи высказывались М.П. Погодин, В.В. Пассек, с оговорками - Н.П. Барсов (Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции по русской истории. Т. 4. М., 1850. С. 326-328; Пассек В. Княжеская и докняжеская Русь // ЧОИДР. 1870. Кн. 3. С. 74-76; Барсов Н.П. Очерки русской исторической географии. География Начальной (Несторовой) летописи. Варшава, 1885. С. 84-85, 93-94). Против этой концепции - С.М. Соловьев, Н.И. Костомаров, М.А. Дьяконов, М.К. Любавский, С.М. Середонин, А.Е. Пресняков (Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. 2. С. 25; Костомаров Н.И. Исторические монографии и исследования. Т. I. СПб., 1872. С. 14; Д ь я к о н о в М.А. Указ. соч. С. 56-57; Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией. М., 1909. С. 87-89; Середонин С.М. Историческая география. Пг., 1916. С. 154; Пресняков А.Е. Указ. соч. Т. I. С. 62, 94-97. 137).

Следует заметить, что укоренившийся в историографии термин "племена" по отношению к восточнославянским догосударственным общностям фактически неверен - племенной в научном смысле этого слова была структура славянского общества до включения славян в процесс Великого переселения народов (т.е. до VI в.); в ходе же славянского Расселения VI-VIII вв. она была разрушена, и сформировались новые общности на территориальной основе (см.: Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е. Великое переселение народов: этнополитические и социальные аспекты. М., 1999. С. 160-177; Горский А.А. О "племенной знати" и "племенах" у славян // Florilegium: К 60-летию Б.Н. Флори. М., 2000).

³ Насонов А.Н. "Русская земля" и образование территории Древнерусского государства. М., 1951.

⁴ Этот вытекающий из исследования А.Н. Насонова вывод был в концентрированном виде сформулирован Л.В. Черепниным: Черепнин Л.В. Исторические условия формирования русской народности до конца XV в. // Вопросы формирования русской народности и нации. М.; Л., 1958. С. 58-61. В дальнейшем границы земель уточнялись в ряде работ: Алексеев Л.В. Полоцкая земля. М., 1966; его же. Смоленская земля в IX-XIII вв. М., 1980; Древнерусские княжества X-XIII вв. М., 1975.

⁵ Рыбаков Б.А. Союзы племен и проблема генезиса феодализма на Руси // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969; его же. Киевская Русь и княжества XII-XIII вв. М., 1982. С. 474.

⁶ С е д о в В.В. Исторические земли Древней Руси и восточнославянские племенные образования // Исторические записки. Т. 2 (120). М., 1999; то же в кн.: Седов В.В. Древнерусская народность. М., 1999. С. 230-253. Гипотеза В.В. Седова, согласно которой летописные меря и мурома - это восточнославянские общности, перенявшие этнонимы своих ассимилированных в ходе колонизации предшественников, наталкивается на пока не прокомментированное автором препятствие: в "Повести временных лет" меря и мурома помещены среди "иных языков", противопоставленных славянам (ПСРЛ. Т. I. М., 1962. Стб. 11).

⁷ См.: Горский А.А. Русь в конце X - начале XII в.: территориально-политическая структура ("земли" и "волости") // Отечественная история. 1992. № 4. В одном случае совокупность двух волостей - Муромской и Ростовской, - захваченных в тот момент князем Олегом Святославичем и потерявших князя-владельца (Изяслава Владимировича, погибшего в бою), названа "землей Муромской и Ростовской" (ПСРЛ. Т. I. Стб. 237).

⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 299.

- ⁹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее: НПЛ). М.; Л., 1950. С. 25.
- ¹⁰ Там же. С. 26, 37, 44, 56, 72, 77, 78, 80, 82, 89, 95. В новгородских источниках XIV в. термин "Новгородская земля" обычен - см.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова (далее: ГВНП). М.; Л., 1949. С. 16, 17, 19, 20-22, 29, 30, 33.
- ¹¹ ПСРЛ. Т. 2. М., 1962. Стб. 607-610.
- ¹² Там же. Стб. 311.
- ¹³ Там же. Стб. 840.
- ¹⁴ Там же. Т. I. Стб. 366.
- ¹⁵ Там же. Стб. 520.
- ¹⁶ Там же. Стб. 355 (2 раза), 357; ср.: Т. 2. Стб. 551, 554.
- ¹⁷ Там же. Т. 2. Стб. 618, 620, 779, 785; Т. 1. Стб. 462, 464; Бегунов Ю.К. Памятник русской литературы XIII века "Слово о погибели Русской земли". М.; Л., 1965. С. 174-175 (Житие Александра Невского).
- ¹⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 566, 659; Т. 1. Стб. 440, 473; Бегунов Ю.К. Указ. соч. С. 178.
- ¹⁹ ГВНП. № 1-3. С. 10-13.
- ²⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 630; Т. 1. Стб. 472, 485.
- ²¹ Патерик Киевского Печерского монастыря. Киев, 1911. С. 189.
- ²² ПСРЛ. Т. I. Стб. 436.
- ²³ Там же. Стб. 475.
- ²⁴ Там же. Стб. 357, 391, 438, 476.
- ²⁵ Там же. Стб. 408.
- ²⁶ Там же. Стб. 373; ср. Т. 2. Стб. 597.
- ²⁷ Там же. Т. 1. Стб. 374; ср. Т. 2. Стб. 598.
- ²⁸ Там же. Т. 1. Стб. 476.
- ²⁹ Там же. Т. 2. Стб. 448.
- ³⁰ Там же. Стб. 451-452.
- ³¹ Там же. Стб. 468.
- ³² Там же. Стб. 656-657.
- ³³ Там же. Стб. 659.
- ³⁴ Там же. Стб. 746, 753, 771, 775 (2 раза), 793.
- ³⁵ Там же. Стб. 759.
- ³⁶ Там же. Стб. 576-577.
- ³⁷ Там же. Стб. 721.
- ³⁸ Там же. Стб. 893.
- ³⁹ Макарий (Булгаков), митр. История Русской церкви. Кн. 3. М., 1995. С. 415.
- ⁴⁰ НПЛ. С. 99, 343-344.
- ⁴¹ Там же. С. 361.
- ⁴² Прохоров Г.М. Повесть о Митяе. Л., 1978. С. 205, 207-208.
- ⁴³ Толкование "Волынской земли" XIV в. как совокупности Волыни и Галичины подкрепляет "Список русских городов, дальних и ближних" (конец XIV в.): города Галицкого княжества (Галич, Перемышль, Теревовль и др.) названы там в числе городов "Волынских" (НПЛ. С. 476).
- ⁴⁴ Кстати, в Галицко-Волынской летописи употребление термина "Галицкая земля" обрывается в начале 40-х гг. XIII в., т.е. практически сразу после закрепления Галичины за владимирово-волыньским князем Даниилом Романовичем.
- ⁴⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 670.
- ⁴⁶ Там же. Стб. 746.
- ⁴⁷ Там же. Стб. 747.
- ⁴⁸ НПЛ. С. 74.
- ⁴⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 778.
- ⁵⁰ Там же. Т. 1. Стб. 460.
- ⁵¹ Там же. Стб. 475.
- ⁵² Там же. Т. 2. Стб. 799-800.
- ⁵³ Там же. Т. I. Стб. 475.
- ⁵⁴ См.: К у ч к и н В.А. "Русская земля" по летописным данным XI - первой трети XIII в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992-1993 гг. М., 1995 (здесь же литература вопроса).

⁵⁵ Ср.: Русина О. Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. Київ, 1998. С. 35-38 (автор ошибочно причисляет к княжествам, не называемым в источниках "землями", также и Черниговское). Примечательно, что термин "Киевская земля" появляется в источниках в начале XIV в. (Макари и Булгаков), митр. Указ. соч. Кн. 3. С. 415 - Житие митрополита Петра), т.е. тогда, когда понятие "Русская земля" в узком смысле утратило свою актуальность.

⁵⁶ См.: Янин В.Л. "Болотовский" договор: О взаимоотношениях Новгорода и Пскова в XII-XIV вв. // Отечественная история. 1992. № 6; Бурунов В.А. Письмо в редакцию (по поводу статьи В.Л. Янина) // Там же. 1993. № 6. Заметим, что термин "Псковская земля" в источниках есть, но впервые встречается (в псковском летописании) под 1341 годом (Псковские летописи. Вып. I. М.; Л., 1941. С. 18), а обычным становится с начала XV в. (Там же. С. 28; НПЛ. С. 400), т.е. со времени, для которого независимость Пскова от Новгорода не вызывает сомнений.

⁵⁷ См.: Горский А.А. Русь в конце X - начале XII в. С. 155-157.

⁵⁸ См.: Там же. С. 157-158.

⁵⁹ Ближайшими аналогиями Руси являются такие славянские государства, как Чехия и Хорватия, где этнополитическое деление догосударственного периода было быстро изжито (См.: Флоря Б.Н. Формирование чешского раннефеодального государства и судьбы самосознания славянских племен Чешской долины // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981; Акимова О.А. Формирование хорватской раннефеодальной государственности // Раннефеодальные государства на Балканах: VI-XII вв. М., 1985).

© 2001 г. Е.В. ВОЕЙКОВ*

У ИСТОКОВ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

Эпохи социальных потрясений, как правило, сопровождаются не только гибелью в массовом количестве людей и уничтожением материальных ценностей, но и нанесением иногда невосполнимого ущерба природе. В данной статье рассмотрен только один аспект влияния революционных событий 1917 г. и Гражданской войны на экологическую обстановку в Средневолжском регионе (Пензенской, Самарской и Симбирской губ.): изменение состояния лесов в результате крупномасштабных лесозаготовок в период острого топливного кризиса.

Среднее Поволжье по запасам лесных ресурсов считалось "малолесным". Напомним, что в начале XX в. нормальной считалась лесистость района (отношение площади лесов ко всей территории), равная 25%. Но даже в наиболее благополучной Симбирской губ. данный показатель (29%) был ниже среднего по стране (33%), а обеспеченность лесом Пензенской и Самарской губ. не достигала даже 20%. При этом если в Алатырском, Карсунском и Сызранском уездах Симбирской губ. лесистость составляла 26-38%, то вся юго-восточная часть Самарской губ. была почти безлесной¹.

В период острого топливного кризиса 1917-1921 гг. главным был лозунг "Как можно больше дров во что бы то ни стало". Один из участников съезда лесозаготовителей Пензенской губ. (август 1919 г.) выразился так: "Сейчас некогда думать о культуре лесов, когда надо думать о возможности отстоять право в будущем создавать эту культуру"². Для каждой губернии, в соответствии с правилами ведения лесного хозяйства, был определен размер годовой лесосеки (т. е. количество леса, которое можно вырубать без ущерба для нормального развития лесов в регионе). Однако уже в период Первой мировой войны было разрешено, в случае необходимости, рубить сразу несколько годовых лесосек за один сезон, а в годы Гражданской войны, в условиях угрозы остановки транспорта и прекращения работы промышленных предприятий, курс на превышение ежегодной лесосеки был закреплён.

Воейков Евгений Владимирович, кандидат исторических наук, старший преподаватель Пензенского государственного педагогического университета.